

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ПИСЬМА ПЕТРА I С БЕРЕГОВ ПРУТА

Во второй половине XIX столетия на страницах исторической печати разгорелся ученый спор о подлинности или подложности письма Петра I с берегов Прута.¹

Подлинник этого письма не сохранился. Напомню текст его в переводе, сделанном Т. П. Кириаком в 1786 г.

«Сим извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четыре краты сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особливия божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкой плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верныя известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшаго мне в наследники».²

Письмо Петра I с берегов Прута появилось впервые на немецком языке в «Анекдотах» Я. Я. Штелина.³

В 1830 г. письмо появилось в Полном Собрании Законов с датой 10 июля, с обращением: «Господа Сенат!»; оно было напечатано в подстрочном примечании со следующей оговоркой: «В тексте и

¹ Месяцослов на 1859 г., стр. 371—375; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 16 (4). М., 1866, стр. 94—96; П. К. Щербальский. Чтения из русской истории с начала XVII в., вып. II. СПб., 1861, стр. 163—164; Древняя и новая Россия, 1875, т. III, стр. 256—268; 1876, т. I, стр. 403—406.

² Любопытные и достопамятные сказания о имп. Петре Великом, .. собранные в течение 40 лет. . . Яковом Штелиным. СПб., 1786, стр. 54.

³ Original Anekdoten vom Peter dem Großen. Von Jacob von Stählin. Leipzig, 1785, S. 53.

под особым номером указ сей потому не помещается, что подлинного в рукописях императора Петра I не отыскано».⁴

Публикация письма Петра I в ПСЗ замечательна: редактор М. М. Сперанский не высказал сомнения в существовании письма; напротив, согласно содержанию документа, была установлена точная его дата; вставка слов: «Господа Сенат!» подтверждала бесспорность адресата. Однако правила издания ПСЗ не позволили Сперанскому поместить письмо Петра I в основном тексте.

По-видимому, тогда же (30-е годы XIX в.) Пушкин заметил о письме Петра I: «Штелин уверяет, что славное письмо в Сенат хранится в Кабинете его величества при императорском дворе. Но к сожалению анекдот, кажется, выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере письмо не отыскано».⁵ В обоих случаях (ПСЗ, записи А. С. Пушкина) до нас не дошел источниковедческий анализ письма Петра I.

Первым проделал такой анализ Н. Г. Устрялов. Однако основной огонь критики он направил на рассказанную Штелиным историю доставки письма с берегов Прута в Сенат, а именно: письмо не могло быть адресовано в Санкт-Петербург, так как Сенат до апреля 1712 г. находился в Москве; нельзя было проехать с берегов Прута за 9 дней ни в Москву, ни тем более в Петербург. Анализируя содержание письма, Устрялов особенно возражал против фразы: «Если я погибну, . . . изберите между собою достойнейшего мне в наследники». Устрялов утверждал, что Петр I, заключивший незадолго до Прутского похода трактат с Вольфенбюттельским домом 'о браке царевича Алексея, признавал сына своим наследником и что Петр не мог писать таких строк Сенату, так как в составе сенаторов не находились первые вельможи и сподвижники царя. Наконец, Устрялов считал первым письмом Петра I в Сенат после прутского сражения письмо от 15 июля, с начальными словами: «Хотя я николи б не хотел к вам писать о такой материи. . .».⁶ Признав письмо подложным, Н. Г. Устрялов не поставил вопроса о том, какова была цель подлога.

С. М. Соловьев, признавая доводы Устрялова «сильными», возражал против тезиса о подложности письма. «Мы не считаем себя вправе решительно отвергать эту достоверность», — писал Соловьев; он приходил к выводу, что письмо могло принадлежать Петру I не только по взгляду на свои отношения к государству

⁴ 1 ПСЗ, т. IV, стр. 712; т. I, стр. XX—XXIX.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IX, Изд. 2, М., 1958, стр. 271. Мысль о прутском письме занимала Пушкина в его художественных замыслах. Так, в плане повести о стрельце мы находим следующие строки: «При Пруте ему Петр поручает свое письмо» (там же, т. VI, М., 1957, стр. 627).

⁶ Н. Г. Устрялов искал доказательства подлогу также в том, что разысканный им перечень указов, посланных к сенаторам из прутского похода, не включал письмо от 10 июля; этот аргумент разбил Ф. А. Витберг, заметивший, что письмо Петра I от 15 июля также не попало в перечень.

и к своему семейству, но также по языку и слогу. Соловьев находил, что побуждений для сочинения подобного письма не было, так как «ниче право не утверждалось на этом акте»; точно также до самого конца XVIII в. не существовало, по мнению Соловьева, побуждений к его уничтожению; могла быть утрата письма, возбуждавшего любопытство и переходившего из рук в руки.⁷

Ф. А. Витберг не согласился с мнением С. М. Соловьева о языке и слоге письма, указав, что русский его текст являлся слогом переводчика. Лаконичную запись Штелина под письмом «от князя М. М. Щербатова» Витберг толковал так, будто Я. Я. Штелин не видал подлинника, не имел копии с него и, следовательно, передал содержание письма по памяти. Возражения Ф. Я. Витберга не убедительны. Письмо Петра I, независимо от того, на каком языке его читаешь (немецком, французском или русском), поражает близостью к краткому, точному и выразительному языку Петра: в одиннадцати строках обрисовано катастрофическое положение русской армии, сжатой кольцом турецких войск, и дана точная инструкция Сенату, как поступать в случае плена и даже гибели царя. Толкование Ф. А. Витбергом слов «от князя М. М. Щербатова» является односторонним и бездоказательным. Также бездоказательно можно утверждать, что Я. Я. Штелин получил «от князя М. М. Щербатова» копию автографа.

М. М. Щербатов (1733—1790), при жизни которого вышло несколько изданий «Анекдотов» Штелина на трех языках, не опровергнул ссылки Штелина на свое имя и тем самым подтвердил свою причастность к анекдоту о прутском письме. Щербатов не мог не знать «Анекдотов»: рекомендуя книгу Штелина к печати в 1780 г., он считал одним из ее достоинств то, что «...все эти анекдоты подтверждены свидетельскими показаниями очевидцев, от которых вы получили эти анекдоты».⁸

Блестящий анализ анекдота Штелина проделал Е. А. Белов, который отделил историю письма от его текста, доказал, что вымышленная история о доставке письма не может служить аргументом в пользу его подложности и предложил текст письма рассматривать как самостоятельный источник.

Вопрос о достоверности письма с берегов Прута от 10 июля поставлен в советской исторической литературе в издании «Письма и бумаги Петра Великого», где дан анализ содержания в сопоставлении с ближайшим к нему письмом Петра I от 11 июля, а также с другими документами 1711 г. и свидетельствами современников.⁹ Задачей такого сопоставления являлось установить достоверность или недостоверность фактов, упоминаемых в письме. В письме

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII. М., 1962, стр. 388—389.

⁸ Original Anecdotes..., стр. 382.

⁹ См.: Письма и бумаги Петра Великого, т. XI, в. I, М., 1962, стр. 573—575

не удалось найти противоречий с известной нам исторической обстановкой на Пруте. Этот вывод не только подчеркивает резкое противоречие между содержанием письма, соответствующего исторической обстановке, и историей доставки письма, не соответствующей таковой, но и дает право заметить, что это противоречие является одним из аргументов против подложности письма. В самом деле, по мере того, как расширяются наши знания об исторической обстановке на Пруте, мы находим все больше сопоставлений содержания письма со свидетельствами участников прутского похода, его очевидцев и современников, что разбивает аргументы Устрялова и Витберга. Совершенно очевидно, что автор текста письма и автор рассказа о письме — разные лица. А. С. Пушкин, Н. Г. Устрялов, Ф. А. Витберг¹⁰ подозревали Штелина в качестве сочинителя анекдота о прутском письме. Более вероятно предположить, что Штелин придумал литературное обрамление тексту, полученному им от Щербатова и, таким образом, явился автором только первой части анекдота (рассказа о письме). Другая часть анекдота (текст письма) была получена им «от князя М. М. Щербатова», как записал Штелин под анекдотом, не обозначив четко, получил или услышал он этот текст.

Остается разрешить вопрос, мог ли быть Щербатов автором письма? Щербатов мог знать обстановку на Пруте из рассказов своего отца М. Ю. Щербатова, участника прутского похода. Но, хотя М. М. Щербатов и пробовал свои силы в жанре пародий, он, судя по его литературным опытам,¹¹ не был в силах «сочинить» письмо с берегов Прута. Сам Щербатов сообщил, что нашел письмо в бумагах Кабинета Петра I. Такая находка могла произойти в 1768 г., когда ему было поручено разобрать бумаги царя, или позже. Это обстоятельство поясняет, отчего Вольтер не располагал анекдотом о прутском письме.¹² Приведу еще один аргумент против подложности письма с берегов Прута. В нем говорилось, что русская армия была окружена «в четыре краты. . . сильнейшею турецкою силою». Первая реляция о прутском сражении, составленная 25—28 июля 1711 г., уже называла цифру турецкой армии, превосходящую русское войско почти в пять раз. Цифры войск, выставленных Россией и Турцией, продолжали уточняться и позже. В 1720 г., при составлении Истории Свейской войны, записали, что турки превосходили русских «в семь крат». Эта цифра нередко проникала в позднейшие издания письма, по-видимому, как редакционная фактическая поправка. Если бы письмо было сфальцифи-

¹⁰ Ф. А. Витберг подозревал в авторстве также и М. М. Щербатова.

¹¹ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М., 1935, стр. 121—127, 135—138.

¹² Материалы о Петре I посылались Вольтеру в 50-е годы XVIII в. Ср.: П. П. Пескарский. О переписке академика Штелина, хранящейся в императорской Публичной библиотеке. Записки Академии наук, т. 7, 1865, стр. 15—16.

цировано в последние годы царствования Петра I или позже, в его текст неизбежно попала бы цифра «в семь крат».

Итак, мы должны признать, что содержание письма находится в полном соответствии с исторической обстановкой, что рассказ о доставке письма в Петербург является литературным вымыслом. вероятно, самого Штелина и что, по-видимому, письмо Петра I находилось в 1768 г. и позже, при Екатерине II, в Кабинете Петра Великого, а затем в бумагах других Романовых, где и следует, на наш взгляд, искать этот интереснейший документ.